

ПОСТОРДЫНСКИЙ МИР И СОЮЗ ИВАНА III И МЕНГЛИ-ГИРЕЯ I: ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ «БИПОЛЯРНОЙ» ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ*

В.В. Пенской¹, Т.М. Пенская¹

¹ *Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Российская Федерация
¹ penskoy@bsu.edu.ru, ² penskaya@bsu.edu.ru*

Цель исследования: проследить эволюцию межгосударственных отношений в Восточной Европе в начале «долгого XVI века» как политической системы, охарактеризовать его основные тенденции и этапы и факторы, влиявшие на ее ход.

Материалы исследования: анализ сообщений летописей, посольских книг и дипломатической переписки, актовых материалов и исторических исследований.

Результаты и научная новизна исследования: Изучение источников позволяет сделать вывод о том, что именно великая смута, охватившая в 30-х – 40-х гг. XV в. Северо-Восточную Русь, Литву и Орду, привела к окончательному распаду «ордынского мира» и запустила процесс формирования «постордынской» реальности, хотя поначалу это было неочевидно. Татарская элита полагала, что сложившееся в Орде «троецарствие» еще один раунд усобиц, после которого status quo восстановится. В Вильно же считали возможным вернуть ситуацию, когда Литва являлась доминирующей силой в регионе.

Первый шаг на пути реставрации «старины» сделал ордынский «царь» Сиди-Ахмет, развязавший в конце 40-х гг. XV в. большую войну против Крыма, Литвы и Москвы. Однако он переоценил свои силы и потерпел поражение, а вместе с его уходом с политической сцены ушел в прошлое и «ордынский мир».

Складывание новой политической реальности в регионе оказалось связано с борьбой за Новгород между Литвой и Москвой. В ходе этой противостояния произошло размежевание бывших союзников по коалиции против Сиди-Ахмет. Московско-крымский союз стал осью новой, «постордынской», системы. Альтернативой ему мог стать альянс Большой Орды и Литвы, но Вильно, стремясь сохранить свободу рук, допустило фатальную ошибку, отказавшись от тесного союза с Ордой. Орда же, ввязавшись в расчете на литовскую поддержку в конфликт с Москвой и Кыркором, не получила ее и в начале XVI в. распалась. Так и не ставшая полноценной «биполярной», постордынская политическая система вступила в новый этап трансформации

Ключевые слова: позднее Средневековье, раннее Новое время, «долгий XVI век», Восточная Европа, межгосударственные отношения, политические системы, внешняя политика, дипломатия, война, Золотая Орда

* Данная статья является продолжением предыдущей из цикла, посвященного эволюции политических отношений в Восточной Европе в позднем Средневековье – раннем Новом времени. См.: Пенской В.В., Пенская Т.М. Эволюция политических отношений в Восточной Европе накануне раннего Нового Времени: «ордынский мир» от расцвета до заката // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 3. С. 629–652. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.629-652 EDN: CQWPFU

Для цитирования: Пенской В.В., Пенская Т.М. Постордынский мир и союз Ивана III и Менгли-Гирея I: попытка создания «биполярной» политической системы // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 4. С. 868–898. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-4.868-898 EDN: QKWZSF

**THE POST- HORDE WORLD AND THE UNION
OF IVAN III AND MENGLI-GIREY I:
AN ATTEMPT TO CREATE A “BIPOLAR” POLITICAL SYSTEM***

V.V. Penskoj¹, T.M. Penskaya²

*^{1,2} Belgorod National Research University
Belgorod, Russian Federation*

¹ penskoj@bsu.edu.ru , ² penskaya@bsu.edu.ru

Abstract: The purpose of the study: To trace the evolution of interstate relations in Eastern Europe at the beginning of the “long 16th century” as a political system, to characterize its main trends, stages, and the factors that influenced its course of development.

Research materials: Messages recorded in chronicles, embassy reports and diplomatic correspondence, legal act materials, and secondary historical literature.

Results and scientific novelty of the study: The study of sources allows us to conclude that the great turmoil that engulfed in North-Eastern Rus', Lithuania, and the Horde in the 1430s–1440s led to the final disintegration of the "Horde world," launching the process of the formation of the "post-Horde" reality although, at first, this process was not obvious. The Tatar elite believed that the “Three Kingdoms” that had developed in the former Horde would bring around another round of strife, after which the status quo would be restored. In Vilnius, they considered it possible to return to a situation in which Lithuania was the dominant force in the region.

The first step towards the restoration of "antiquity" was made by the "king" of the Horde, Sidi-Akhmet, who unleashed a huge war against the Crimea, Lithuania and Moscow in the 1440s. However, he overestimated his strength and was defeated. Coinciding with his departure from the political scene, the Horde world also became a thing of the past.

The formation of a new political reality in the region turned out to be connected with the struggle between Lithuania and Moscow for Novgorod. During this confrontation, the former allies in the coalition against Sidi Akhmet disengaged. The Moscow-Crimean Union became the axis of a new "post-Horde" system. A counter to it would have been the alliance of the Great Horde and Lithuania, but Vilnius, in an effort to maintain a free hand, made a fatal mistake by refusing any close alliance with the Horde. The Horde came into conflict with Moscow and Kyrkor, counting on Lithuanian support and did not receive it. As a result, it broke up at the beginning of the 16th century. The formation of the "bipolar" post-Horde political system was not accomplished and a new stage of transformation began.

* This article is a continuation of the previous one from the series dedicated to the evolution of political relations in Eastern Europe in the late Middle Ages and Early Modern Period. See: Penskoj V.V., Penskaya T.M. The evolution of political relations in Eastern Europe on the eve of the Early Modern Period: the “Horde World” from its rise to decline. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 3, pp. 629–652. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.629-652 (In Russian)

Keywords: late Middle Ages, Early Modern, “long 16th century”, Eastern Europe, interstate relations, political systems, foreign policy, diplomacy, war, Golden Horde

For citation: Penskoj V.V., Penskaya T.M. The post-Horde world and the union of Ivan III and Mengli-Girey I: An attempt to create a “bipolar” political system. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 4, pp. 868–898. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-4.868-898 (In Russian)

Характеризуя политическую ситуацию, которая сложилась в Восточной Европе после завершения великой смуты 2-й четверти XV в., захватившей в свою орбиту и Орду, и Литву, и Москву, можно сказать, переиначивая известное выражение – когда трое делают одно и то же, выходит не одно и то же. В самом деле, по выходу из череды усобиц, политические элиты трех главных участников «Большой Игры» в регионе стремились восстановить «старину», вот только понимали они ее каждый по-своему. Татарские «цари», «князья» и мурзы, продолжая мыслить категориями прошлого, не могли принять того обстоятельств, что время ордынского величия, «ордынского мира», прошло, и на этот раз безвозвратно. Им казалось, что политический кризис 20-х – 30-х гг. XV в. не более чем очередной этап в истории Джучиева улуса. И если предыдущие кризисы заканчивались рано или поздно восстановлением политического единства и могущества Орды, то и на этот раз все будет также. Вопрос стоял лишь в том, кто на этот раз сумеет оседлать центростремительные тенденции и воссядет на «царском» «седалище» в «Великом улусе».

Другие задачи ставили перед собой в Вильно и в Москве. Литва, выбравшись из смуты, стремились сохранить то, что было достигнуто при Ольгерде, Ягайло и в особенности при Витовте, когда Великое княжество Литовское на время превратилось в доминирующую политическую силу в Восточной Европе. Московский же великий князь Василий II (а вслед за ним и его сын Иван), избавившись от конкурентов в борьбе за власть, вернулся к политике собирания земель, а вместе с ними – и власти. Первый процесс на деле означал в скором времени неизбежный переход к экспансионистской внешней политике, а второй неизбежно вел к тому, что московский великий князь должен был стать со временем «белым», суверенным государем.

Нетрудно заметить, что цели, которые преследовали участники восточноевропейской «Большой игры», были разными и противоречили друг другу. Идея восстановления «ордынского мира» отнюдь не вдохновляла ни литовскую, ни московскую политические элиты, равно как Москву не устраивала установленная при Витовте «старина», в которой ей отводилась подчиненная роль, да и соглашаться на восстановление прежней жесткой зависимости от татарских «царей» там явно не желали. В Вильно же литовские пань рады, по существу ставшие верховной властью в княжестве [см., например: 29, с. 194], совсем не собирались идти на политические и территориальные уступки Калитичам и не желали мириться с утратой контроля над политической ситуацией в Орде. При таких раскладах война всех против всех казалась неизбежной, равно как распад прежней политической системы и наступление полного хаоса и анархии в регионе. Однако этого не случилось, напротив, ситуация спустя несколько десятилетий более или менее стабилизировалась и восточноевропейская политическая система приняла новый, необычный вид. На

смену прежнему однополярному «ордынскому миру», в котором безраздельно господствовала Золотая Орда, пришел мир постордынский.

Характеризуя его, отечественный исследователь И.В. Зайцев писал, что «первая половина 70-х годов XV в. знаменуется оформлением русско-крымского союза, основанного на неприязненных отношениях двух сторон с Большой Ордой и Польско-Литовским государством». И далее историк отмечал, что «Большая Орда и Казимир также заключают договор о военном сотрудничестве». Как результат, завершал он свою мысль, «отныне долгое время политическая ситуация в европейском пространстве Джучиева улуса будет определяться противостоянием двух противоборствующих блоков» [20, с. 92–93].

С таким анализом ситуации, сложившейся в Восточной Европе после фактического распада Золотой Орды как единого политического организма, с одной стороны, можно согласиться, но точно также, с другой стороны, нет.

«Да», так как русско-крымский союз, оформившийся окончательно в начале 80-х гг., действительно был реальной политической и военной силой. Используя его потенциал, и Крым, и Русское государство к началу XVI в. сумели решить если не все, то большую часть внешнеполитических задач, стоявших перед ними и превратиться во вполне самостоятельных и амбициозных игроков.

«Нет», потому что литовско-большеордынский альянс так и не смог стать равнозначной альтернативой русско-крымскому. И для Литвы, и для Орды он имел ситуативный, продиктованный сиюминутными устремлениями, характер. Конечно, и Москва, и Крым преследовали, вступая в «приязнь и братство», свои политические цели и стремились как можно больше получить от «партнера» и как можно меньше отдать взамен. Однако в литовско-ордынских отношениях (в особенности со стороны Литвы) такой подход носил еще более явный характер и подрывал саму основу союза. В конечном итоге такое сугубо «потребительское» отношение к «партнеру» не позволило альянсу Вильно и Сарая стать полноценным другим «полюсом» постордынского мира, несмотря на те очевидные потенции и преимущества, заложенные в идею такой коалиции. Как результат, к началу XVI в. Литва, имея перед собой двух противников, Москву и Крым, ушла в глухую стратегическую оборону, теряя одну позицию за другой. Большая же Орда оказалась в глубочайшем кризисе, который спустя несколько лет завершился ее распадом – не в последнюю очередь потому, что литовский «союзник» так и не стал сколько-нибудь надежной опорой для последних ордынских «царей».

Формирование новой, постордынской политической реальности в Восточной Европе прошло несколько этапов. Первый из них пришелся на конец 40-х – 50-е гг. XV столетия. Собственно говоря, именно тогда на руинах Золотой Орды и закладывались основы нового политического порядка, хотя участники «Большой игры» в регионе об этом если и догадывались, то весьма смутно. Процесс трансформации прежнего мироустройства в новое качество запустил, как это ни парадоксально, ордынский «царь» Сиди-Ахмет (Сейид-Ахмед) после 1445 г. Его выступлению на большую политическую сцену способствовал ряд обстоятельств, и в первую очередь это завершение длительного ордынского «троецарствия». Улуг-Мухаммед, потерпевший неудачу

в борьбе за золотоордынский трон, скончался около 1445/1446 г. Его «меньшой» «брат» Кичи-Мухаммед, контролировавший Нижнее Поволжье и степное Предкавказье, на время, похоже, выбыл из игры. По предположению Р.Ю. Почекаева это было связано с серьезным ослаблением его Орды в результате конфликта с ханом Узбекского ханства Абу-л-Хайром [43, с. 248]. В итоге Сиди-Ахмет, третий главный «актер» этой исторической драмы, улусы которого кочевали между Доном и Днепром, сумел занять доминирующие позиции в Дешт-и-Кипчак (что, кстати, нашло свое отражение в легендах ордынских монет, чеканившихся в его владениях [см.: 57, с. 42–43]). Его Орда, по замечанию Б.Н. Флори, на время превратилась в «наиболее крупное и сильное объединение среди наследников Золотой Орды, которое **прежде всего осуществляло ордынскую политику по отношению к восточноевропейским соседям** (выделено нами – **В.П., Т.П.**)...» [55, с. 191]. Эта политика, как уже было отмечено выше, нацелена была на восстановление «ордынского мира» в его досмутном виде. Эта программа и объясняет действия ордынского «царя» в 40-х – нач. 50-х гг. XV в.

Первым делом Сиди-Ахмет попытался вернуть себе контроль над богатым Крымским улусом. «Исключительно выгодное географическое и экономическое положение сделали Крымский улус важной частью ордынских владений», – отмечал В.П. Гулевич [13, с. 184], и кому, как не Сиди-Ахмету, изгнавшему в 1436 г. из Крыма Улуг-Мухаммеда и владевшему этим улусом до начала 40-х гг., это было доподлинно известно. Однако положение Сиди-Ахмета в Крыму было непрочным. В начале 1442 г. в результате заговора крымской аристократии, поддержанной Литвой, на крымское ханское «седалище» воссел родственник Улуг-Мухаммеда Хаджи-Гирей б. Гийас ад-Дин [см., например: 33, с. 49; 60, с. 4].

Неудача в Крыму, необходимость присматривать за Улуг-Мухаммедом и поддерживать паритет с Кичи-Мухаммедом (о чем косвенно свидетельствуют московские источники [см.: 17, с. 108]) вынудили Сиди-Ахмета на время отказаться от имперских замыслов и наладить отношения с соседями с тем, чтобы выиграть время и собраться с силами. Это ему удалось. В начале 40-х гг. длившийся с конца 30-х гг. конфликт между Сиди-Ахметом с одной стороны, и польским королем Владиславом III, был урегулирован. В обмен на отказ продолжать набеги на владения Владислава и его младшего брата Казимира, который после убийства заговорщиками ханского «брата», великого князя литовского Сигизмунда Кейстутовича, был избран литовской аристократией на опустевший великокняжеский стол [см.: 42, с. 475–477], ордынский «царь» получил ордынский «выход» с тех территорий в Великом княжестве Литовском, который он полагал своими по «старине» [см.: 40, с. 290]. Москва также исправно платила «выход», дети Улуг-Мухаммеда выясняли отношения друг с другом, а Кичи-Мухаммед, как было сказано прежде, на время вышел из игры. В итоге спустя несколько лет Сиди-Ахмет, почувствовав себя на троне более уверенно (о чем снова косвенно свидетельствует послание московских церковных иерархов сопернику Василия II Дмитрию Шемяке [см.: 1, с. 80]), решил заняться восстановлением золотоордынской империи.

Причины активизировать внешнюю политику искать Сиди-Ахмету долго не пришлось. В 1447 г. в Польше закончился длившийся несколько лет период бескоролья. На опустевший после безвременной смерти Владислава III

польский трон был выбран королем Казимир. Уния, пускай и личная, между Польшей и Литвой восстановилась, а это явно не входило в планы Сиди-Ахмета [см., например: 55, с. 187]. К тому же, как указывал М.К. Любавский, к этому времени Казимиру удалось в значительной степени преодолеть центробежные настроения, столь широко распространившиеся в Литве в начале его правления [см.: 28, с. 108]. В этих условиях Сиди-Ахмет «вспомнил», что не все в Литве рады тому, что Казимир стал польским королем, и решил поддержать те политические силы в великом княжестве, которые в рамках унии желали по меньшей мере большей автономии для Литвы, если не полной ее независимости от Кракова [см., например: 53, с. 286]. Под рукой оказался и подходящий кандидат для поддержки – сын покойного Сигизмунда Кейстутовича Михаил.

Начиная с 1448 г. дипломатическое, а затем и военное (ибо, согласно классическому определению К. Клаузевица, «война есть...подлинное орудие политики, продолжение политических отношений другими средствами» [23, с. 47]) давление со стороны Сиди-Ахмета на Литву возрастает, татарские набеги следовали один за другим. Попутно Сиди-Ахмет сумел на некоторое время вернуть себе и Крым, снискав расположение некоторых знатных крымских родов [см.: 13, с. 203].

Оказавшийся в сложном положении Казимир и поддерживавшая его «партия» нашли нетривиальный выход из этой критической ситуации. Еще в 1448 г. король получил от своего вассала князя Федора Воротынского поручную запись «по зяти своем» князе Иване Можайском, двоюродном брате Василия II, что тот, в случае, если Казимир возведет его на московский стол, признает себя «братом младшим» литовскому князю и будет ему верным вассалом и союзником! [см.: 2, с. 62] Тем самым Казимир продемонстрировал свою готовность продолжить по отношению к князьям Северо-Восточной Руси политику Витовта. Теперь же король и его советники из числа литовских панов рады совершили поворот на 180⁰ и в условиях ставшей реальностью войны с Ордой в 1449 г. заключили договор с московским великим князем Василием II Темным, у которого к тому времени отношения с Сиди-Ахметом осложнились [см.: 10, с. 147]. По этому соглашению Казимир пошел на серьезные уступки своему московскому «партнеру», признал его своим «братом» и согласился в обмен на совместные действия против ордынца считать Новгород и Псков исключительной сферой влияния Москвы. Тем самым Казимир де-факто отступился от завоеваний Витовта.

Аналогичный договор о «братстве» и союзе против татар Казимир заключил тогда же и с тверским великим князем Борисом Александровичем [см.: 17, с. 160–164]. Кроме того, новоиспеченный великий князь литовский оказался поддержку Хаджи-Гирею, который сумел в 1449 г. (по мнению В.П. Гулевича, это случилось несколько позднее [см.: 13, с. 203]) вернуть себе власть в Крыму.

Потеря Крыма стала первым тревожным сигналом для Сиди-Ахмета, на который он, впрочем, решил внимания не обращать, ибо реальное объединение сил Москвы, Литвы и Крыма в антиордынскую коалицию представлялось существенно большей угрозой его великодержавным планам. Стремясь не допустить их совместного выступления, ордынский «царь» попытался одно-

временно атаковать владения Казимира и Василия, разбросал свои силы и просмотрел угрозу со стороны Хаджи-Гирея. В 1452 (или 1453?) г. тот неожиданно нанес удар по «царской» походной ставке в Поле и разгромил ордынского «царя».

Это поражение оказалось для Сиди-Ахмета роковым – он разом лишился всех своих завоеваний и сошел с исторической сцены, оказавшись в итоге в литовском плену, где и скончался спустя несколько лет. Его сыновья, обратившиеся в «казаков», учитывались в степных политических раскладах до конца 70-х гг. [см.: 70, р. 295], но достичь той же степени влияния на политические события, как их отец, так и не смогли, так что история сиди-ахметовой Орды вместе с падением ее создателя и закончилась.

Однако главным следствием победы Хаджи-Гирея над Сиди-Ахметом было все же не это. Исход большой восточноевропейской войны конца 40-х – нач. 50-х гг. XV в. означал на деле крах последней более или менее серьезной попытки реанимировать «ордынский мир». Пришедшие на смену Сиди-Ахмету татарские династы, хоть и мечтали восстановить Орду в ее прежнем величии, однако сами по себе не обладали необходимыми силами и авторитетом, чтобы попробовать сделать это в одиночку. Бог действительно переменял Орду, и теперь для победы над своими врагами они нуждались в союзниках, приобрести расположение которых можно было, лишь пойдя на серьезные, политические уступки (которые в перспективе ставили под вопрос успех самих попыток возрождения ордынской империи). Фактически можно говорить о том, что к середине 50-х гг. XV в. «ордынский» этап в развитии восточноевропейской политической системы окончательно завершился и началось формирование новой, постордынской, политической реальности.

Процесс создания этой новой реальности был запущен новгородским кризисом, который растянулся по времени на два с лишком десятилетия. В ходе этого кризиса, занявшего больше двух десятилетий, произошли распад русско-литовско-крымской коалиции и полное переформатирование всей системы политических отношений в Восточной Европе, в которой появился новый игрок – Османская империя. Со 2-й пол. 70-х гг. XV в. тень «Великого Турка», маячившая за спиной крымских «царей», нависала над регионом, оказывая, пусть и косвенно, серьезное влияние на местные политические расклады. И появление этого нового влиятельного игрока в «Большой Игре» стала одним из главных признаков «постордынского» мира.

Первые симптомы новгородского кризиса наметились к концу 50-х гг. Прежде мы уже писали о новгородских успехах Василия II и о значении заключенного им с новгородской госпожой Яжелбицкого договора. Реставрация великим князем московским «старины» в московско-новгородских отношениях вызвала, судя по всему, серьезную обеспокоенность литовских панов рады, тяготевшей, по мнению В.Д. Назарова, к активной экспансионистской политике на востоке в духе покойного Витовта [см.: 32, с. 59]. Сам Казимир как король Польши к тому времени оказался втянут в тяжелую войну с Тевтонским Орденом, и с головой уйдя в этот конфликт, в значительной мере утратил интерес к событиям на литовских рубежах – что на южном и юго-восточном (благо опасность со стороны Сиди-Ахмета перестала существовать), что на западном и северо-западном. Недовольная тем, что король практически забросил литовские дела, возглавляемая виленским воеводой Яном

Гаштольдом (который в отсутствие короля фактически управлял Литвой) могущественная «старолитовская» «партия», судя по всему, решила взять инициативу в свои руки.

Повод для литовского вмешательства в московско-новгородские отношения появился очень скоро. В 1458 г. в Литву прибыл из Новгорода посадник Иван Щека «прошать у короля у Казимира князя на пригороде» [см.: 25, стб. 198]. Такой князь прибыл в Новгород в ноябре того же года – им был князь Юрий Семенович, двоюродный брат короля. Новгородцы, «привявша его в честь», дали «королевичу» в кормление несколько важных в стратегическом отношении «пригородов» [см.: 25, стб. 198]. Стоит ли говорить о том, как была принята эта весть в Москве? Формально условия Яжелбицкого договора были соблюдены, ибо в новгородской и московской докончальных грамотах не был прямо оговорен запрет на приглашение князей из Литвы в Новгород [см., например: 11, с. 39–43]. Однако приезд литовского князя был прямым нарушением соглашения 1449 г.

Василий II попытался было урегулировать проблему дипломатическим путем, однако добиться своего не сумел – пролитовская «партия» в Новгороде набирала силу. Тем временем Хаджи-Гирей пожаловал Казимира своим ярлыком, в котором среди прочих русских городов «со всякими доходами, водами, землями, и пожитками их», которые закреплялись за великим литовским князем, числились Псков (?) и Новгород [см.: 66, с. 530].

По мнению В.П. Гулевича, выдача этого ярлыка носила инициативный со стороны Хаджи-Гирея характер и стала ответом на направленных против Польши и самого Казимира интриги со стороны литовской магнатории, желавшей втянуть крымского «царя» в эту игру на своей стороне [см., например: 28, с. 120–124]. Поэтому считает историк, «упоминание земель Северо-Восточной Руси, над которыми крымские правители никогда не имели никакой власти, должно было потешить литовскую правящую верхушку» и не «не влекло за собой никаких политических последствий и не отягощало хана какими-нибудь обязательствами к его исполнению» [12, с. 375].

Свое отношение к этому «царскому» пожалованию В.П. Гулевич мотивировал тем, что, по его мнению, «право выдавать ярлыки на земли или княжения имели не улусные правители, каковым был Хаджи Гирей, ... а ордынские ханы» [12, с. 373]. Однако при этом он сам отмечал, что еще в 1442 г. Казимир в договоре с молдавским воеводой Ильей «наградил» Хаджи-Гирея титулом «вольного царя» [68, р. 250]. Именуя таким образом только что занявшего крымский «стол» татарского династа, Казимир тем самым, по словам самого исследователя, признавал хана суверенным правителем, вольным казнить и жаловать своих подданных [60, с. 5]. Но если Хаджи-Гирей – «вольный царь», то, в таком случае, можно ли считать его ярлык Казимиру простой отпиской? На наш взгляд – нет. Более того, выданный не только литовским панам рады, но и самому Казимиру (о чем свидетельствует непростая судьба этого документа [см.: 32, с. 57]) ярлык 1461 г. явился серьезным внешнеполитическим документом, подтверждающим новый статус Хаджи-Гирея.

Обладание «царским» ярлыком на Новгород формально делало Казимира его сюзереном, и пролитовская «партия» в Новгороде поспешила признать

этот факт. Поскольку Василий II скончался в марте 1462 г., то и у новгородского боярства, и у самого Казимира и «старолитовской» «партии» появилась возможность пересмотреть условия соглашений 1449 и 1456 гг. И вот в 1463 г. в Литву отправился новгородский посол Олиферий Слизин «о княжи възмущении еже на Великий на Новгород Ивана Васильевича», а другое посольство отъехало в Литву к скрывавшимся там врагам Василия II князьям Ивану Можайскому и Ивану Шемячичу с просьбой «побороть по Великом Новгороде от князя великого» [25, стб. 214].

Фактический отказ литовской стороны от продления действия договора 1449 г. и действия новгородской господы, демонстративно нарушавшей положения Яжелбицкого мира 1456 г., не оставляли новому московскому государю Ивану III выбора. Московско-литовский союз приказал долго жить, а судьба Новгорода была решена – заключив осенью 1469 г. компромиссный мир с казанским «царем» Ибрагимом [см., например: 22, с. 297; 26, с. 123], Иван III вплотную занялся Новгородом.

Действиям Ивана способствовала и внутриновгородская обстановка. В ноябре 1470 г. скончался новгородский владыка Иона, тонкий политик и искусный дипломат, которому удавалось не раз останавливать сползание «холодной» войны в «горячую» стадию. Пролитовская «партия» в городе одолела «партии» промосковскую и повела дело к разрыву с Москвой. Прошло три дня со дня смерти владыки, и в Новгород явился князь Михаил Олелькович с многочисленным «двором» [44, с. 172]. Несомненно, что приезд князя Михаила был согласован и с ним, и с литовскими панами рады (в первую очередь с ними, ибо Михаил был братом киевского князя Семена Олельковича, которого «старолитовская» «партия» прочила на литовский великокняжеский стол) заблаговременно, задолго до смерти Ионы. С этим шагом новгородской господы была связана также, несомненно, и отправка ею посольства к Казимиру с предложением стать «господином» Новгороду [см., например: 5, с. 147–157; 31, с. 285]. Очевидно, что оно везло с собой проект договора между Новгородом и Казимиром [см., например: 41, с. 247–251], результатом которого стал бы переход Новгорода под руку великого литовского князя.

Ответ Ивана был вполне предсказуемым. Убедившись в том, что дипломатическим путем урегулировать кризис невозможно, он объявил Новгороду войну [см., например: 35, с. 193]. Исход ее был предопределен результатами трех сражений летом 1471 г. Разгромив наголову противостоявшие им новгородские рати, московские воеводы гарантировали Ивану мир с Новгородом на его, великого князя, видении «старинны», напрочь исключавшей всякую возможность не то что перехода Новгорода под власть Вильно, но и какое-либо политическое влияние со стороны Литвы на город на Волхове [см., например: 35, с. 252].

Почему Казимир и литовские паны рады не сумели оказать сколько-нибудь действенной поддержки своим сторонникам в Новгороде, несмотря на многообещающие авансы, которые они им раздавали? В.П. Гулевич высказал любопытное предположение, что Казимира, как и в предыдущий раз, новгородский «проект» особенно не интересовал, ибо он в это время пытался заполучить чешскую корону для своего сына Владислава [см.: 12, с. 376; ср.: 36, с. 70–71]. О позиции же литовских панов рады в новгородском вопросе косвенно свидетельствует поведение Михаила Олельковича. Князь в разгар кри-

зиса внезапно покинул Новгород и отъехал в Киев, «на свою вотчину», как раз освободившуюся из-за смерти его старшего брата Семена Олельковича. Кстати, само поведение Михаила и в Новгороде, и во время его отъезда оставляет впечатление, что он рассматривал свое пребывание на Новгородчине как временное и не стремился здесь закрепиться на сколько-нибудь длительное время [см.: 44, с. 175]. Похоже, что «старолитовская» «партия» после того, как в 1458 г. умер ее лидер Ян Гаштольд, так и не смогла найти ему равноценную замену.

Вместе с тем нельзя сказать, что никаких действий ни Казимир, на паны рады не предпринимали, а сидели, сложа руки, наблюдая за тем, как Новгород, медленно уходит из-под их влияния. Не имея возможности (и, похоже, особого желания) напрямую вмешаться в конфликт между Москвой и Новгородом они попытались применить «стратегию не прямых действий» и оказать содействие новгородской господе чужими руками, а именно вовлечь в конфликт хана Ахмеда, сына Кичи-Мухаммеда, возглавлявшего в это время Большую Орду.

Появлению нового персонажа в нашей исторической драме предшествовал целый ряд событий. После падения Сиди-Ахмета, кратковременного (?) пребывания Хаджи-Гирея на ордынском престоле (так, во всяком случае, можно трактовать оговорку его сына Менгли-Гирея и фразу из легендарного «ярлыка» Ахмеда Ивану III [см.: 38, с. 444; ср.: 6, с. 147; 68, р. 181]) и ослабления Абу-л-Хайра, на политическую авансцену вышли скрывавшиеся дотолы в тени дети Кичи-Мухаммед. Махмуд и Ахмед, воссев на «царском» «сидалище» в «Великом улусе» в 1459 г. после смерти отца, решили продолжить политику Сиди-Ахмета и восстановить единство Орды. Уже в 1460 г. с их стороны была сделана попытка установить контроль над Крымским юртом, отраженная, правда, Хаджи-Гиреем [см., например: 13, с. 228]. Отметим, что для Махмуда это, кажется, была не первая попытка обосноваться в Крыму – согласно одной армянской надписи, в 1456 г. он сумел на время занять полуостров, вынудив Хаджи-Гирея бежать. Правда, пребывание ордынского «царевича»-султана там было недолгим и уже в 1456/57 г. Хаджи-Гирей снова считается сидящим на своем юрте [см.: 19, с. 203; 45, с. 251]. Отметим в этой связи, что, по мнению А.В. Джанова, соперником Хаджи-Гирея был другой Махмуд, а именно казанский «царь» Махмуд, сын Улуг-Мухаммеда (впрочем, сам историк не объясняет, зачем казанскому хану потребовалось вместе с братом Касымом, с которым у него явно были не самые теплые отношения, предпринимать крымскую авантюру) [см.: 16, с. 154 слл.].

Крымский «царь» не забыл об этом и при первой же возможности отомстил. Махмуд, в 1465 г., собравшийся было пойти войной на Ивана III, был внезапно атакован Хаджи-Гиреем и бежал, бросив победителю свою ставку. Заметим, что с этим событием некоторые историки связывают временное воцарение Хаджи-Гирея в Орде [см., например: 61, с. 376–377; ср.: 10, с. 156].

Это поражение стало для Махмуда, как и для Саид-Ахмета, роковым. Хотя он и писал османскому султану в апреле 1466 г., что милостью Аллаха он вернулся на «великое место прежних ханов – предков наших» [49, с. 240], тем не менее, его политическая звезда закатилась. Во главе «Великого улуса» встал его амбициозный младший брат Ахмет. Воспользовавшись тем, что

после неожиданной смерти Хаджи-Гирея между его сыновьями вспыхнула борьба за власть, Ахмед попробовал установить свой контроль над Крымским улусом, поддержав одного из претендентов на крымский престол, Нур-Девлета. Однако, как отмечал В.В. Трепавлов, последнему «царский» ярлык «скорее помешал, чем помог ему в схватке за трон» [53, с. 300]. К концу 1468 г. верх в этой «замятне» одержал один из младших сыновей Хаджи-Гирея Менгли-Гирей.

Первая попытка Ахмеда установить свой контроль над Крымским улусом успеха не имела, однако Менгли-Гирей, с трудом овладевший властью, не забыл о ней. Ресурсы Крыма и «Великого улуса» были несопоставимы. В самом деле, если в 50-х – 60-х гг. XV в. крымский «царь» мог выставить в поле, по свидетельству венецианского дипломата и путешественника Иосафата Барбаро 3–4 тыс. всадников, то сын Ахмеда Шейх-Ахмед, «содиначившись» со своей братьей, в 1500 г., по сообщению М. Меховского (не в самые лучшие, надо сказать, для Орды времена), имел 60 тыс. воинов [см.: 7, с. 154; 30, с. 65]. И хотя эта цифра и была преувеличена польским хронистом в 2–3 раза, тем не менее, существенный численный перевес ордынских ратей над крымскими во 2-й половине XV в. несомненен. И когда М.Г. Сафаргалиев писал, что «ни одно из вновь образованных татарских государств, за исключением Ногайской Орды, не могло располагать таким количеством воинских людей, которыми располагал Ахмат», то с такой оценкой вполне можно согласиться, равно как и с другим его утверждением относительно того, что «наличие большого количества воинов давало возможность хану вести агрессивную политику по отношению к соседям Большой Орды» [46, с. 269].

Понятно, что при таких раскладах Менгли-Гирей отнюдь не стремился сражаться один на один с Ахмедом и его детьми и нуждался в более или менее надежном союзнике, который согласился бы разделить с ним эту ношу. На первых порах сын Хаджи-Гирея, памятуя о той роли, которую играло Великое княжество Литовское в судьбе крымского юрта, попытался восстановить старые связи с Вильно. Однако, как уже было отмечено выше, Казимир к тому времени мало интересовался событиями на юго-восточной окраине своего государства. Поэтому попытки Менгли-Гирея выйти на контакт с Вильно не имели особого успеха. Лишь в конце 1469 г. в Крым прибыло королевское посольство – по мнению В.П. Гулевича, вероятно, с запоздалыми поздравлениями Менгли-Гирею по случаю его восхождения на престол [13, с. 265]. Последовавший за этим неторопливый обмен посланиями между двумя дворами закончился в 1472 г. заключением между Менгли-Гиреем и Казимиром мирного договора [см.: 66, s. 536]. За ним последовало «царское» «жалованье» – крымский хан одарил литовского «брата» своим ярлыком.

Основные его положения повторяли аналогичные статьи ярлыка 1461 г., и среди прочих переданных Казимиру русских городов «с землями, водами, и со всеми пожитками их» были названы Новгород (снова) и Переяславль-Рязанский (не он скрывался под загадочным *Turapkie* из Хаджи-Гиреева ярлыка?) [66, s. 540]. Однако к тому времени, когда в Вильно получили этот ярлык, он уже не имел никакого значения. Иван III разрешил новгородский вопрос в свою пользу. Желание Менгли-Гирея понравиться литовским панам рады не нашло отклика в их сердцах, и союз Крыма и Литвы не восстановился, чем

впоследствии крымский «царь» попрекал литовскую правящую элиту, с обидой вспоминая о том, что в те годы в Вильно ему предпочли Ахмеда [69, s. 63].

Почему же в Вильно решили пойти на сближение с Ахмедом, отношения с которым у Вильно в первые годы после того, как последний взял в свои руки власть над «Великим Улусом», не складывались? В литовской столице на первых порах с беспокойством наблюдали за тем, как росла сила и влияние Ахмеда, опасаясь, что тот пойдет по пути Сиди-Ахмета, и попытка «царя» утвердиться в Крыму, пусть и через подставное лицо, казалось, только подтверждала эти опасения. Большой набег на Литву, предпринятый ордынскими «казаками» во главе с сыном заволжского «царя» (Ахмеда?) в конце 1469 г. [см.: 62, s. 254–255], должен был укрепить панов рады и Казимира в этом. Однако спустя год все переменялось. В.П. Гулевич предложил следующее объяснение этому нелогичному, на первый взгляд, шагу Вильно. Он писал, что «поскольку власть крымского хана оставалась нестабильной и он не имел причин для войны с Москвой, в сдерживании которой нуждались в Вильно, Казимир IV решил в этом вопросе опереться на Большую Орду, у правителя которой наметился серьезный конфликт с Иваном III» [13, с. 268].

Отчасти с этим мнением можно согласиться, но лишь отчасти – в крымской его части, а вот что до «Великого улуса», то здесь ситуация представляется более сложной. Ахмед явно не торопился выступать против Ивана, который, по мнению А.А. Горского, исправно платил «царю» причитавшийся ему «выход» [10, с. 156]. Но ордынский «царь» был подходящим орудием для нанесения вреда Ивану, обладая существенно большим военным потенциалом, нежели крымский хан. Видимо, решение пойти на союз с Ахмедом было принято на сентябрьском 1469 г. сейме в Гродно [см.: 62, s. 251]. Обсудив перспективы отношений с татарскими юртами, Казимир и паны рады решили, что в противостоянии с Иваном III из-за Новгорода именно Ахмед будет весьма полезен как союзник. Поэтому, продолжая неспешные пересылки с Менгли-Гиреем, в Вильно решили использовать Ахмеда против московского государя, отвлекая его внимание от Новгорода.

Судьбоносное решение было принято, и в начале 1470 г. из Кракова в Орду отправился королевский посол служилый татарин Кирей Кривой с задачей добиться договоренности с Ахмедом о совместных действиях против Ивана. Ахмед принял посла, но с ответом не торопился, продержав у себя Кирея в гостях год. Загостевавшийся королевский посол не терял времени даром и приложил максимум усилий, чтобы добиться перемены настроения «царя», воздействуя на его окружение. Видимо, не последнюю роль в этом сыграл могущественный беклярибек Ахмеда Тимур, внук Эдиге. Его дочь была замужем за казанским ханом Ибрагимом, с которым Иван III воевал в 1467–1469 гг., и это обстоятельство не могло не сказаться на позиции Тимура, ратовавшего за более жесткую позицию по отношению к московскому государю [см., например: 31, с. 395]. Любопытный факт – незадолго до этих событий между Иваном и Тимуром был заключен какой-то договор, «рота и правда», причем Тимур был назван Иваном «отцом» себе [см.: 39, с. 312], что не помешало, впрочем, беклярибеку позабыть о своей «роте и правде», как только зазвенело литовское золото.

В конце лета 1471 г. Кирей вернулся в Краков вместе с «царевым послом». Последний, судя по всему, приехал к Казимиру не с пустыми руками, но с «царевым» ярлыком о «городехъ и о приязни и о братстве» (о нем упоминал позднее Менгли-Гирей [см.: 68, 63]). Увы, усилия королевского посла оказались тщетны – пока он уламывал ордынскую правящую элиту и склонял Ахмеда к походу на Ивана, тот уже решил новгородский вопрос. Представляется, что новгородский успех Ивана III сподвиг Ахмеда ответить, наконец, «да» на предложение Казимира и организовать поход против Москвы, предпринятый в следующем, 1472 г. Однако эта экспедиция не имела успеха. Больше того, литовская сторона не оказала Ахмеду никакой поддержки и это показное бездействие, с одной стороны, привело к прекращению контактов между Ахмедом и Казимиром и литовским панам рады, а с другой – способствовало временному ослаблению напряженности в отношениях Москвы и Сарая. В 1473 г. Иван отправил в Орду своего посла Никифора Басенкова, сына знаменитого воеводы Василия II Федора Басенка, с богатыми дарами (но не с «выходом»!). В следующем году Басенков вернулся в Москву, и не один, а с «царским» послом Кара-Кучюком. Ордынского эмиссара сопровождала большая свита и три с лишком тысячи татарских «гостей» с 40 тыс. «коней продажных» [см.: 31, с. 302]. «Относительная многочисленность официального посольства и невиданная – его «торговой части» производят впечатление сочетания демонстрации силы и одновременно расположения», – отмечал А.А. Горский [10, с. 161], и с такой оценкой стоит согласиться. Представляется, что Ахмед, недовольный тем, как с ним обошлись литовцы, решил попробовать нормализовать отношения с Москвой.

Однако у московского государя были иные планы. С конца 60-х гг. Иван начал торить дорожку в Крым. Определенные связи в Крыму среди местной аристократии были еще у отца Ивана Василия, а могущественнейший «князь» Эминек из рода Ширинов [см., например: 50, с. 30–31; 63, с. 50–51] и вовсе приезжал в Москву в 50-х гг. [см.: 38, с. 36; 39, с. 39] Некий московский посол был в Крыму в 1468 г. [см.: 13, с. 270–271]. Возможно, это посольство было ответом на поездку в Москву генуэзского посольства тремя годами раньше – Хаджи-Гирей, разгромив Махмуда, решил соблазнить Ивана идеей посадить на ордынский стол «царевича» Касима, сына Улуг-Мухаммеда [см.: 8, с. 54; 64, с. 224–225], заодно обезопасив себя от претензий с его стороны на крымское «седалище». Иван тогда отклонил это предложение, но прошло несколько лет, и московский государь сам предпринял попытку выйти на Менгли-Гирея, используя в качестве посредника богатого и влиятельного крымского купца Хозю Кокоса (Хаджи Гёк-Гёз).

Выход на Кокоса представителей Ивана III состоялся, по мнению В.П. Гулевича, не позднее весны 1472 г. (т.е. еще до алексинской экспедиции Ахмеда) [13, с. 275]. Можно предположить, что попытка зондажа в Крыму была предпринята Иваном в ответ на активизацию дипломатических контактов между Ахмедом и Казимиром. Менгли-Гирей, разочарованный холодностью Вильно, благосклонно отнесся к инициативе московского государя, хотя, как и Иван, на первых порах действовал осторожно, по неофициальным каналам – осенью 1472 г. в Москву приехал из Крыма с посланием от ширинского «князя» Мамака, ханским ярлыком и грамотой от Хози Кокоса его шурин Юсуф. Крымский посланец передал Ивану слова Кокоса, что де крым-

ский «царь» «жалует» его, Ивана, «о всем по тому, чего яз (т.е. Иван – **В.П., Т.П.**) желаю», присовокупив от себя, что «царь хочет мя (т.е. Ивана – **В.П., Т.П.**) жаловати и свыше в братстве в дружбе с собою учинити также, как король (т.е. Казимир – **В.П., Т.П.**) с ним в братстве» [см.: 38, с. 7].

Более чем щедрое предложение со стороны крымского «царя» ускорило ход переговоров, и после обмена послами в 1474–1475 гг. соглашения между двумя монархами было заключено. Подробный разбор данного договора был сделан, к примеру, А.Л. Хорошкевич [см.: 56, с. 126–141], что избавляет нас от необходимости делать это еще раз. Но на одном положении договора все же стоит остановиться. Из грамот, отосланных от имени Ивана в Крым в 1474–1475 гг., следует, что Менгли-Гирей, пожаловал московского великого князя своей дружбой и «братством» [см.: 38, с. 1, 9]. Несомненно, этот шаг с его стороны был обусловлен позицией Казимира и литовских панов рады, проигнорировавших настойчивые предложения крымского «царя» о восстановлении союзных отношений. Остро нуждавшийся в союзнике в преддверии очередного раунда противостояния с Ахмедом Менгли-Гирей, подобно Токтамышу тремя четвертями столетия назад, был вынужден пойти на серьезные уступки Ивану III.

Жалуя московского государя своим «братством», крымский «царь» де-факто отказывался от прежней модели отношений ханов Орды с русскими князьями, переводя свои дипломатические контакты с Иваном в новое русло. «Братство» предполагало, по словам А.И. Филюшкина, «особый тип отношений, который в современной терминологии можно истолковать как «добрососедские отношения при уважении суверенитета друг друга, предполагающие потенциальный союз» [54, с. 228]. При этом «братья» взаимно обещали «блности, и не обидити, ни вступатися» во владения контрагента [см., например: 17, с. 269, 416], Тем самым они подтверждали взаимно полную внутреннюю автономию и суверенность (по принципу «*rex est imperator in regno suo*») в административном, судебном и фискальном отношениях каждой из сторон соглашения. Более того, отношения «братства» предполагали, что каждый их участник обладает определенной «честью», которая не будет нарушена недружелюбным действием другой стороны. Т.о., пожаловав Ивана своим «братством», Менгли-Гирей тем самым признавал фактическое равенство московского государя с ним, «царем» [см.: 59, с. 16–17].

Иван III, в отличие от своего отца тридцати пятью годами раньше, не упустил представившуюся ему возможность повысить свой политический статус и, приняв более чем щедрое предложение крымского хана, он тем самым совершил своего рода дипломатическую революцию. В самом деле, еще чуть больше полустолетия назад боярин И.Д. Всеволожский заявлял хану Улуг-Мухаммеду, что его господин, великий князь Василий II, держит свое княжение по ханской воле. Теперь же сын Василия Иван, став «братом» «царя», мог теперь гордо заявить имперскому послу Н. Поппелю, что «мы Божию милостью Государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы, а просим Бога, чтобы нам дал Бог и нашим детям и до века в том быти, как есмя ныне Государи на своей земле, а поставления, как есми наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим» [37, стб. 12]. Выходит, что в процессе склады-

вания на руинах Золотой Орды новой политической реальности молодое Русское государство обретает де-факто подлинное «самодержавство». Поэтому соглашение 1474 г. явилось, как писала А.Л. Хорошкевич, крупнейшей дипломатической победой Московского княжества [см.: 56, с. 141], которое добилося фактического равноправия в отношениях с Крымским ханством.

Московско-крымский союз 1474–1475 гг., основанный на «братстве» и «приязни» Менгли-Гирея и Ивана, способствовал запуску процесса формирования новой «старини» в русско-татарских отношениях. Механизм ее формирования показал белорусский исследователь А.И. Груша. Он отмечал, что «все новое, что входило в жизнь..., проходило проверку и доказывало право на существование, становилось «старым» [14, с. 73]. Действительно, просуществовав фактически три десятка лет, это союз создал новую традицию, на которую Москва могла ссылаться в случае необходимости.

Отношения между Ахмедом и Казимиром между тем развивались не столь прямолинейно и последовательно, как русско-крымские. События 1471/1472 гг. привели, судя по всему, к охлаждению отношений между Казимиром и Ахмедом. Ордынский «царь», разочаровавшись в своем литовском «брате», решил расколоть союз Ивана и Менгли-Гирея и параллельно с реверансами в сторону Москвы попытался вернуть себе власть над Крымским улусом, где началась очередная «заворошня», осложненная вмешательством во внутрикрымские разборки османской Турции. Воспользовавшись этим, Ахмед в конце 1476 г. послал туда своего племянника (?) Джанибека, на время ставшего крымским ханом [см., например: 34, с. 46–47; 43, с. 246, 259].

На некоторое время ордынский «царь» сумел восстановить свой сюзеренитет над Крымским юртом (о чем не преминул сообщить Ивану III [см.: 6, с. 147]). Вероятно, что в это же время Ахмеду на время удалось подчинить своей власти и Астрахань, где обосновался его племянник, сын Махмуда Касим [см., например: 18, с. 44–45]. Казалось, что «царь» Большой Орды вот-вот станет «царем» всего постордынского мира, и сам он, уверовав в это, сменил тон в переписке с османским султаном Мехмедом II [см., например: 20, с. 91].

Однако момент славы Ахмеда оказался очень коротким. При поддержке султана и с согласия крымской знати (все вместе они с опасением наблюдали за усилением владетеля Большой Орды [см.: 36, с. 75]) в 1478/1479 гг. Менгли-Гирей сумел вернуть себе власть над Крымским юртом. Точно также не имели успеха и попытки Ахмеда добиться восстановления status quo в отношениях с Москвой. Иван III, не отказываясь от продолжения дипломатических контактов с Ордой (о чем он откровенно писал Менгли-Гирею [см.: 38, с. 4, 10]), тем не менее, отнюдь не стремился возобновлять регулярную выплату «выхода», отделяваясь посылаемыми от случая к случаю пусть и щедрыми, но все же только лишь «поминками» (по мнению А.А. Горского, после похода Ахмеда в 1472 г. в Москве решили отказать ордынскому «царю» в праве полагать себя московским сюзереном [см.: 10, с. 164–171]). В 1476 г. Иван и вовсе открыто проигнорировал требование «царя» явиться к нему лично в Орду и возобновить выплату «выхода» [см., например: 6, с. 147; 31, с. 308–309]. К тому же московский государь в 1477/78 гг. завершил процесс установления полного московского суверенитета над Новгородом.

Перед Ахмедом встала дилемма – против кого предпринять военную экспедицию? Крымский вариант на первый взгляд был проще – военный потен-

циал Крыма был невелик, а Менгли-Гирей сидел на троне непрочно и можно было ожидать, что при первой же его промашке крымская аристократия откажет ему в поддержке. К тому же Казимир, приняв у себя потерпевших неудачу в борьбе за власть в Крыму братьев Менгли-Гирея Нур-Девлета и Айдара, показал тем самым свое по меньшей мере прохладное отношение к крымскому «царю». Однако за спиной у Менгли-Гирея стоял турецкий султан, а рассчитывать на крымскую знать, как показывал опыт, было нельзя.

В этих условиях Ахмед решил подчинить своей власти Ивана III, который, чувствуя свою силу, вел себя все более и более независимо. Однако предприятие против Москвы обещало быть трудным, и Ахмед решил заручиться поддержкой извне – вспомнив о неудачной попытке установить союзнические отношения с Казимиром, он решил попробовать еще раз договориться с королем о совместных действиях против «московского».

Долго уговаривать Вильно не пришлось. Казимир к концу 70-х гг. сумел разрешить острый политический кризис, который возник в его отношениях с венгерским королем Матиашем Корвином, римской курией и Тевтонским орденом [см., например: 36, с. 70–72, 77–78]. Тем самым «Польско-литовское государство добилось восстановления своих позиций на Балтике, а также урегулирования отношений с Венгрией. Вместе с тем оно выдвинуло смелый план утверждения своего влияния в Чехии, Венгрии, Молдавском княжестве и в Северном Причерноморье» [36, с. 78]. Предпринятый Ахмедом зондаж был благосклонно встречен Казимиром, и в ответ на «царское» посольство во главе с Тагиром в Орду отъехал королевский посол пан Стрет, троцкий городничий. Результатом этих пересылок стало не только восстановление «братства и приязни» между «царем» и королем, но и достижение соглашения относительно совместных действий против Ивана III [см.: 68, р. 138]. Имея на руках такие козыри и рассчитывая на непосредственную поддержку со стороны короля, Ахмед начал готовиться к большому походу на Москву.

Ряд летописных «повестей» о событиях 1480 г. связывает выступление Ахмеда в поход против Ивана с интригами Казимира, не только известившего «царя» о том, что на Руси братья великого князя подняли против него мятеж, но и заявившего, что он сам готов выступить против «московского» [см., например: 9, с. 263]. Косвенно эту версию как будто подтверждает сын Ахмеда Шейх-Ахмед, который спустя много лет после этих событий писал сыну Казимира великому князю литовскому Александру, что тогда «наш отец, Ахмат царь» с королем «поновив» «братство», «межы собою сослалися,и роки межы собою положили» [68, р. 125]. Русские летописи добавляют к этому, что с соответствующей миссией к Ахмату ездил пресловутый Кирей Кривой [см., например: 9, с. 263]. Эта версия выглядит логичной и потому привлекательной, но, наш взгляд, все же вряд ли полностью соответствует действительности. Известие, полученное от Казимира о мятеже братьев Ивана III могло, конечно, ускорить выступление Ахмеда в поход, однако поведение «царя» в кампанию 1480 г. свидетельствует в пользу предположения [см., например: 4, с. 90–91], что на какую-либо помощь со стороны мятежников Ахмед явно не рассчитывал. Для него гораздо важнее была прямая поддержка со стороны Казимира, о чем писал позднее Шейх-Ахмед Александру Казимировичу [см.: 68, р. 125].

Но что делал в эти недели и месяцы, когда решалась судьба Восточной Европы «брат» и союзник Ахмеда Казимир? Почему он не явился со своим воинством на встречу с Ахмедом? В 1480 г. Казимир находился в Литве, и его пребывание там явно было связано с обещаниями Ахмеду. Но вот что любопытно – он не стал созывать литовское посполитое рушение, сделав ставку на наемное войско (об этом свидетельствует выдача от его имени 58 ротмистрам грамот на набор наемников – польский историк Л. Коланковский оценивал численность его в 6–8 тыс. всадников [65, s. 335]). Значит ли это, что литовские паны рады не поддержали идею Казимира и рассматривали его альянс с Ахмедом как личное дело короля? Так или иначе, но король так и не «всел на коня», чтобы вместе со своим ордынским «братом» атаковать «московского», ограничившись (если верить русским летописям) отправкой в Орду миссии Кирея Кривого и пообещав мятежным братьям Ивана III, которые искали у него поддержки, в случае необходимости принять у себя в Витебске их семьи – но не больше того [см., например: 52, с. 198].

Почему король проявил пассивность в этот решающий момент? На этот счет среди историков нет единого мнения. Так, И.Б. Греков считал, что отказ короля открыто поддержать своего ордынского «брата» объясняется, с одной стороны, опасениями удара в спину со стороны османов, а с другой – действиями крымских войск в Подолии и заговором князей-заговорщиков группировавшихся вокруг Михаила Олельковича [36, с. 86–87]. Ю.Г. Алексеев полагал, что Казимир в этом конфликте «остался верен своей общей тактической линии: не воевать самому, не вступать до поры до времени в крупный, рискованный конфликт с сильным и опасным соседом, но всячески ослаблять его, поддерживать центробежные, антимосковские тенденции, помогать всем врагам великого князя, выжидая благоприятное время» [4, с. 43]. В.П. Гулевич объяснял отказ Казимира от активных действий финансовыми проблемами короля, нежеланием поляков класть свои головы в интересах Литвы, начавшейся эпидемией чумы и сведениями из Молдавии о военных приготовлениях Турции [13, с. 330–331].

Вполне возможно, что все эти соображения брались в расчет Казимиром и его советниками, однако, на наш взгляд, странная нерешительность короля объясняется хитрым политическим расчетом. Для него в равной степени было невыгодно усиление как Москвы, так Орды, тогда как взаимное их ослабление, наоборот, было на руку – это позволяло Великому княжеству Литовскому, не прилагая серьезных усилий, вернуть себе статус верховного арбитра в Восточной Европе.

Если наше предположение верно, то тогда становится ясным и не менее загадочное поведение Вильно в отношениях с Менгли-Гиреем. Зная о том, что Ахмед и Казимир обменялись посольствами [см.: 27, стб. 335], крымский хан все же решился отправить к своему литовскому «брату» посла Байраша с предложением восстановить прежний тесный военно-политический союз [см.: 27, стб. 332–333]. Желание Менгли-Гирея восстановить его было настолько велико, что, не дожидаясь возвращения изрядно задержавшегося в Литве Байраша (а «царского» посла продержали в «гостях» год), отправил к Казимиру другого посла, Хаджи-Бабу, с присяжным листом [см.: 27, стб. 329–330].

Казимир не торопился с ответом, больше того, как уже было отмечено выше, он продолжал держать у себя в гостях братьев хана, и это никак не добавляло оптимизма в перспективы относительно дальнейшего развития крымско-литовских отношений. Не отвечая на предложения крымского хана, он тем самым стремился, оставаясь в стороне, сохранить свободу рук. Однако эта позиция явно не устраивала Менгли-Гирея. Отчаявшись получить внятный ответ на свои предложения, он решил прибегнуть к последнему доводу королей и отправил летом (или в начале осени) 1480 г. в набег на Подолию «князя» Эминка [см., например: 13, с. 332; 31, с. 328; 47, с. 269].

Этот набег, трактуемый обычно незначительный и не имевший серьезных последствий [см., например: 13, с. 332; 34, с. 58] (или же, напротив, как один из факторов, оказавших воздействие на решение Казимира не выступать в поддержку Ахмеда в кампанию 1480 г. [см., например: 36, с. 87]), на самом деле, на наш взгляд, имел своей целью вынудить короля определиться, на чьей он стороне. Однако Казимир продолжал медлить даже после этого внушения, и Менгли-Гирей собрался в поход самолично, во главе всего своего воинства. Любопытная сложилась ситуация в конце лета 1480 г. – один татарский «царь» отправился походом на русского государя, а другой снаряжился было в поход против государя литовского, и оба этих похода дали не совсем тот результат, на который рассчитывали их зачинатели. В случае с Менгли-Гиреем поход пришлось прервать, поскольку на Перекопе татарское войско встретило литовское посольство во главе с князем И. Глинским [см.: 27, стб. 330–332, 333–334, 335–336]. Посол передал «царю» послание от Казимира, в котором король сообщал, что он принимает присягу Менгли-Гирея и готов установить между двумя государями отношения «братства и правды» и даже больше того, изъявил желание принять у себя хана на тот случай, если тому придется вдруг искать убежища. Однако при этом Казимир подчеркнул, что он волен принимать у себя в гостях любых татарских «царей» и «царевичей», тем более детей Хаджи-Гирея, сославшись на старый обычай [27, стб. 331]. Кроме того, король заявил, что он не видит необходимости в процедуре подтверждения «правды» и отправке присяжного листа, ибо, дав однажды присягу Хаджи-Гирею, он считает, что этого достаточно для продолжения союза между Крымом и Вильно [27, стб. 341].

Такая двойственная позиция Казимира по отношению к Крыму во время кризиса 1480 г. контрастировала с действиями Ивана III. Московский государь первым был извещен Менгли-Гиреем о своем повторном восшествии на престол. Этот шаг Менгли-Гирея свидетельствовал, по мнению В.П. Гулевича, о смещении фокуса крымской внешней политики [13, с. 322]. Однако Иван, будучи не уверен в том, что Менгли-Гирей прочно уселся на троне, отнюдь не торопился, вопреки мнению А.М. Некрасова [34, с. 57], в ханские объятия [см.: 38, с. 16]. Вместо этого он предпринял ряд шагов, которые, с одной стороны, играли на руку Менгли-Гирею, а с другой – усиливали позиции Ивана в предстоящих переговорах. Сперва московский государь принял у себя Джанибека, который еще в бытность его крымским «царем» тайно запрашивал Москву о возможности найти себе убежище в России, а затем сумел переманить к себе из Киева Нур-Девлета и Айдара [см., например: 8, с. 57, 58]. В апреле же 1480 г., когда политический кризис в Восточной Европе

обрел зримые формы и должен был перейти в «горячую» фазу, Иван III отправил в Крым своего посла, князя И.И. Звенца [см.: 21, с. 56].

В.П. Гулевич, характеризуя отношения между Менгли-Гиреем и Иваном III в это время, отмечал, что «неуверенность в короле толкала крымского хана к союзу с Иваном III, который, в отличие от Казимира IV, но так же, как и Менгли Гирей, желал поставить крест на проблеме Большой Орды» [13, с. 326]. Это обстоятельство во многом способствовало успеху миссии князя Менгли-Гирей, пребывая в раздумьях относительно успеха его миссий к Казимиру [27, стб. 334], принял предложения Ивана и заключил с ним оборонительный союз против Ахмата и Казимира [38, с. 20–21, 25–26]. Любопытный факт – московский посол привез с собой запечатанную золотой печатью (более чем символический жест!) грамоту своего государя, в которой Иван обещал принять у себя Менгли-Гирея, если тому вдруг потребуется убежище [38, с. 22].

Характеризуя новое соглашение между Иваном и Менгли-Гиреем, А.М. Некрасов отмечал, что московскому государю удалось этим договором «нейтрализовать» крымского хана [33, с. 58]. Однако, представляется, что это утверждение опережает события – время для конфликта между крымским «царем» и московским государем еще не наступило. Менгли-Гирею не было смысла вступать в конфликт между Иваном и Ахмедом и по политическим соображениям (играть на руку Ахмеду, который только что едва не наложил руку на Крым?), и по военным (разбрасывать свои и без того не слишком многочисленные силы, отправляясь в поход далеко на север?). Точно также вряд ли можно согласиться с мнением историка относительно того, что «единственной «заслугой» Казимира перед Ахматом можно считать то, что король постарался не допустить выступления Менгли-Гирея на стороне Руси» [33, с. 58]. В борьбе титанов Менгли-Гирей явно собирался отсидеться в сторонке, на всякий случай подстелив соломки и с литовской и с московской сторон, и это ему, в отличие от Казимира, удалось в наилучшей степени.

Вообще, в кризисе 1479/1480 г. все участвовавшие в нем, прямо или косвенно, стороны – Москва, Краков с Вильно, Сарай, Кыркор и Стамбул (которого не устраивали великодержавные планы Ахмеда, тем более, что вряд ли в османской столице были не в курсе относительно планов вовлечения ордынского «царя» в антиосманскую коалицию [см.: 20, с. 87–89; 36, с. 84; 53, с. 304]), – решали в первую очередь свои проблемы и стремились максимально использовать потенциальных «партнеров» в своих интересах, не особенно стараясь идти им навстречу. Никто не хотел таскать каштаны из огня ради других и лишь один Ахмед был вынужден идти ва-банк. Этот его отчаянный шаг, продиктованный, вероятно, внутривосточными соображениями (необходимостью удержать созданную им хрупкую коалицию татарских «князей»?), успеха не имел – знаменитое «стояние на Угре» закончилось неудачей для ордынцев и гибелью самого «царя» в январе 1481 г. от рук тюменского хана Ибака и ногайских мирз Аббаса, Мусы и Ямгурчи [см., например: 27, стб. 340].

Разгром в третий раз полевой ставки ордынского «царя» имел катастрофические последствия для его имперских замыслов и для его государства. Гибель Ахмеда, по существу, поставила крест на претензиях Большой Орды и ее «царей» на господство на постордынском пространстве. Она «уже не имела сил для ощутимого участия в политической жизни», – писал В.В. Трепав-

лов, отмечая дальше, что «последнее двадцатилетие истории Тахт эли было отмечено его неуклонным ослаблением, неудачными попытками лавирования между сильными соседями, уменьшением населения, экономическим упадком, внутренними распрями» [53, с. 308].

Однако это стало ясным не сразу после гибели Ахмата, а спустя некоторое время, когда улеглись неразбериха и хаос, вызванные неожиданным падением ордынского «царя». Казимир, хотя и был очень скоро извещен о неожиданном перевороте в Орде, не сразу сориентировался в изменившейся ситуации. По весне 1482 г. он прислал в Москву своего посла, полоцкого воеводу Богдана Саковича, «прося Новагорода Великого и Лук Великих». Заодно король воспрепятствовал матримониальным планам московского государя, не пропустив его послов со сватовством к волошскому воеводе Стефану [см.: 48, стб 315]. Но и это еще не все – Казимир пошел навстречу тверскому великому князю Михаилу Борисовичу, заключив с ним в 1483 (или в 1484 г., как полагал Э. Клюг [24, с. 362]) союзный договор, предполагавший совместные действия против Ивана III [см., например:]68, р. 250–251].

Иван, занятый в это время конфликтом с Казанью, не пошел на обострение отношений со своим литовским «братом», однако вместо него это сделал Менгли-Гирей. Крымский «царь» после долгих колебаний сделал свой выбор и отказался от союза с Казимиром, демонстративно атаковав и разрушив Киев. Почему он так поступил? Видимо, стоит согласиться с мнением В.П. Гулевича, писавшего, что «на протяжении 60–80-х гг. XV в. в Крыму неоднократно могли убедиться, что король не исполнил ни одного своего обещания о помощи или поддержке по отношению к своим соседям, ленникам или союзникам: Крымскому ханству, Каффе, Молдавии и Большой Орде». Как результат, продолжал историк, «в глазах Менгли Гирея, Казимир IV стал не только непоследовательным, но ненадежным и вероломным человеком» [13, с. 352]. Выгоды от союза с Иваном III и опоры на султана явно перевешивали таковые от сохранения «братских» отношений с Казимиром, и крымский «царь» сделал свой выбор, тем более что альянс с Москвой и поддержка со стороны Стамбула позволяли ему окончательно решить ордынский вопрос.

Киевский 1482 г. поход Менгли-Гирея фактически подвел черту под последней фазой затянувшегося новгородского кризиса, в ходе которого завершилось переформатирование всей системы политических отношений в Восточной Европе. Пожалуй, именно с 1482 г. можно вести речь об окончательном складывании русско-крымского союза, который просуществует без малого четверть века и во много определит дальнейший ход политического развития региона. Не так обстояли дела с литовско-ордынским альянсом. Несмотря на нарастающий хаос и разброд в Орде, вызванный борьбой между наследниками Ахмеда за власть, потенциально она сохраняла немалый военный потенциал. Поэтому Казимир не оставил надежды использовать ее в противостоянии с Иваном III, тем более что последний после окончательного присоединения Новгорода и установления своего суверенитета над Тверью (последний князь которой бежал в Литву) перешел в наступление на западе, открыв в 1486 длинную череду русско-литовских (а позднее русско-польских) войн. Поэтому контакты между ордынскими «царями» и Казимиром продолжились – так, в 1484 г. «царь» Муртаза, соправитель своего брата Сайид-Махмуда,

отправил к королю посольство, которое везло к Казимиру «присяжный лист» и предложение восстановить такие же отношения между двумя государями, какие были при Ахмеде. Казимир принял это предложение, и, в свою очередь, обещал Муртазе в случае необходимости свою «хлеб и соль» [см.: 67, р. 144]. Обменивался в те же годы посольствами с королем и другой сын Ахмеда Саид-Ахмед, который также утверждал, что союзнические отношения между Литвой и Ордой, установленные ранее, продолжают действовать, если литовская сторона будет их соблюдать [см.: 27, стб. 348–349, 351–352, 353].

Однако, несмотря на довольно активные контакты между двумя дворами, до полноценного военно-политического союза между Казимиром и Ахматовичами дело не дошло. Этому, очевидно, помешали нарастающая политическая нестабильность, вызванная продолжавшейся борьбой за власть в Орде между детьми Ахмеда. Казимиру и панам рады не только было не на кого опереться в Орде, но еще приходилось предпринимать меры против казакующих татарских «князей» и мурз, которые, пользуясь случаем, пытались поправить дела свои и своих улусных людей набегами на соседей, не делая исключений для владений Казимира [см., например: 13, с. 365–366]. И хотя Ахматовичи могли еще временами создавать проблемы тому же Менгли-Гирею [см.: 13, с. 357–362], тем не менее, прогрессирующее ослабление Большой Орды не могло не сказаться на ее ценности как серьезного партнера в «Большой Игре». После 1486 г. контакты между Казимиром и Ахматовичами были свернуты, и именно с этого года напряженность на русско-литовской границе начинает постепенно переходить в «горячую» фазу, перерастая в необъявленную войну [см.: 51, с. 34–35]. Вряд ли это простое совпадение – похоже, что Иван III, присоединив к своим владениям Тверь и зная о том, что примерно в это же время обострился конфликт между Менгли-Гиреем и Ахматовичами [см., например: 53, с. 314–315], приступил к реализации своих планов по активизации западного вектора своей политики (который надолго, почитай, на полстолетия, становится определяющим в русской внешней политике).

Надо полагать, перед лицом московской угрозы в Вильно, да и в Кракове, в 90-х гг. XV в., сильно пожалели, что в свое время не оказали Ахмеду надлежащей поддержки, ибо противостояние в эти годы Литвы, Москвы и Крыма показало, что ни Казимир, ни его сын Александр, унаследовавший литовский стол, не имеют сил бороться одновременно с Иваном III и Менгли-Гиреем. Орда же, пребывавшая в это десятилетие в глубоком кризисе, была неспособна оказать какую-либо существенную помощь Вильно, даже если бы и хотела. Александр, наблюдая растущее ослабление Орды, по словам В.В. Трепавлова, «вел себя по отношению к большеордынцам более отстраненно и осторожно, чем его покойный отец» [53, с. 317], однако осознание собственной слабости перед лицом Ивана III вынудило его попробовать восстановить альянс с Ахматовичами. После того, как в ходе начавшейся в 1500 г. очередной русско-литовской войны войско великого князя потерпело сокрушительное поражение от полков Ивана III на р. Ведрошь, в ставку одного из Ахматовичей, Шейх-Ахмеда, явился литовский посол М. Халецкий. Он предложил «царю» принять участие в войне с Иваном III вместе с польским королем Яном Ольбрахтом и королем Венгрии и Чехии Владиславом. Щедрое предложение Александра Казимировича были подкреплены не менее щедрыми дарами-«ордынщиной» и готовностью отправить Шейх-Ахмеду

по его просьбе помощь пищальниками и пушками [см.: 2, с. 213; 68, р. 171–172]. Шейх-Ахмед, польстившись на щедрые обещания Александра, не только прислал своих послов на собранный братом Александра Яном Ольбрахтом сейм в Петркуве, где его посланцам были обещаны в случае выступления Шейх-Ахмеда против Ивана ежегодные богатые поминки, «тридесять тысяч на кожухи и сукню» [см.: 15, с. 142; 58, с. 101], но и вопреки мнению своей «братии» [см.: 68, р. 570], действительно выступил против московского государя [см.: 40, с. 520].

Увы, надежды Шейх-Ахмеда на поддержку со стороны Александра Казимировича не оправдались. Великий князь литовский, как и его отец, не явился на встречу со своим «братом», ибо как раз в это время он был избран польским королем вместо своего неожиданно скончавшегося брата Яна Ольбрахта. Обещание союза и возобновления выплат «выхода» (а как иначе можно назвать пресловутую «ордынщину»?) Александр и паны рады использовали как приманку для того, чтобы вовлечь наивного татарина в войну с Иваном, вовсе не собираясь оказывать ему реальную помощь. В итоге Шейх-Ахмед оказался один на один с Иваном и Менгли-Гиреем. Исход этого противостояния был вполне предсказуем. Летом 1502 г. Большая Орда практически перестала существовать. Менгли-Гирей с плохо скрываемой радостью оповестил своих «литовского» и «московского» «братьев» об одержанной победе [см.: 38, с. 420; 68, с. 181]. Шейх-Ахмед, потеряв власть и улусы, сдаваться не собиравшись и попытался взять реванш, однако не найдя поддержки ни в Степи, ни в Москве, ни в Стамбуле, в конечном итоге оказался в «золотой клетке» в Литве, став инструментом оказания давления на Крым в руках Ягеллонов.

Кризис 1500–1502 гг. подобно новгородскому кризису подвел черту под очередным этапом трансформации системы политических отношений в Восточной Европе. При анализе событий, которые происходили в эти годы, нетрудно заметить, как переменялись роли главных участников «Большой игры». В то время как крымский и ордынский «цари» выясняли отношения, московский и литовский государи не спешили вмешиваться в эту борьбу, предпочитая оставаться в стороне и наблюдать за развитием конфликта. При этом и Иван, и Александр стремились по максимуму извлечь пользу от союза с татарскими династиями, решая их руками свои проблемы и всячески уклоняясь от конкретных действий, способных оказать реальную поддержку своим союзникам и не приносящих им конкретной, вполне осязаемой выгоды. Больше того, как отмечал В.В. Трепавлов, великий князь литовский свысока посматривал на Шейх-Ахмеда, явно не считая его равней себе [53, с. 318]. Иван же III и вовсе благосклонно воспринял инициативу Шейх-Ахмеда и его «думы» беклербека Таваккула по восстановлению отношений между Москвой и Ордой и даже отправил ордынскому «царю» в 1502 г. некие «датки», которые, по словам безмерно обрадованного этой посылкой Шейх-Ахмеда, «отцу нашему и братии нашей не давал» [см.: 68, с. 181]. Но, обнадежив Ахмедовича и его «думу» присылкой посла с «датками», Иван тут же сообщил Менгли-Гирею о пересылках с ордынцами [см.: 38, с. 384]. Уверяя своего крымского «брата» в том, что у него нет намерений переменить союзника, Иван, тем не менее, этим сообщением, похоже, намекал ему, что у него, у московского государя, есть выбор. Не забудем также и о том, что Джанибек и

Нур-Девлет нашли прибежище в Москве, и, имея в себя в рукаве такие козыри, Иван мог чувствовать себя в отношениях с Менгли-Гиреем более уверенно, нежели без них.

Игра на противоречиях между татарскими юртами и династами, стремление использовать заинтересованность потомков Чингиз-хана и Едигея в союзных отношениях в своих интересах, минимизировав при этом свои обязательства перед ними – пожалуй, это будет едва ли не самая заметная черта политики Ягеллонов и Рюриковичей по отношению к татарским династам в «постордынский» период, причем такое характерное отношение с течением времени будет только нарастать. Однако после того, как Большая Орда пала, пространство для подобного рода дипломатических маневров и у Вильно, и у Москвы сузилось, а вот у крымских Гиреев, напротив, открылось новое окно возможностей. И они не преминули этим шансом воспользоваться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. Т. I. 1334–1598. СПб.: Тип.-я Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1841. 606 с.
2. Акты, относящиеся к истории Западной Руси, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I (1340–1506). СПб.: Типография II отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846. 418 с.
3. *Алексеев Ю.Г.* «К Москве хотим»: закат боярской республики в Новгороде // Алексеев Ю.Г. Псков и Новгород накануне присоединения к Российскому государству (XIV – XV вв.). М.: Изд.-во Олега Абышко, 2020.
4. *Алексеев Ю.Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л.: Наука, 1989. 219 с.
5. *Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы // Алексеев Ю.Г. История России в эпоху великого князя Ивана III. СПб.: Изд.-во Олега Абышко, 2018. С. 23–278.
6. *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). М.: Территория, 2001. 544 с.
7. *Иоасафат Барбаро.* Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л.: Наука, 1971. С. 136–160.
8. *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV – XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань: «Рязань. Мир», 2011. 512 с.
9. Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2006.
10. *Горский А.А.* Москва и Орда. М.: Наука, 2003. 214 с.
11. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л.: Изд.-во АН СССР, 1949. 407 с.
12. *Гулевич В.П.* Несколько наблюдений относительно проблемы “пожалования” русских земель Казимиру IV в ярлыках крымских ханов Хаджи Гирея 1461 г. и Менгли Гирея 1472 г. // Colloquia Russica. Series I. Vol. 7. Rus’ and the World of the Nomads (the second half of the 9th – 16th C.). Publication from the 7th International Scientific Conference, Plzeň, 23th–26th November, 2016. Krakow, 2017. С. 369–378.
13. *Гулевич В.П.* От ордынского улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 492 с.
14. *Груша А.И.* Кризис доверия? Появление и утверждение правового документа в Великом княжестве Литовском (конец XIV – первая треть XVI в.). М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 608 с.
15. Густынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 40. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 272 с.

16. *Джанов А.В.* Каффа, Крымское ханство и османы в 1454–1456 гг. (по данным книг массарии Каффы) // Сугдейський збірник. Вип. 2 (VIII). Київ. 2019. С. 79–373.
17. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 586 с.
18. *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2006. 303 с.
19. *Зайцев И.В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX веков: пути развития: рукописи, тексты источники. М.: Восточная литература, 2009. 304 с.
20. *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М.: Рудомино, 2004. 216 с.
21. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988.
22. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII веков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 1080 с.
23. *Клаузевиц К.* О войне. Т.1. М.-СПб., 2002. С. 47. Клаузевиц К. фон. О войне. Т. 1. М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб.: Terra Fantastika, 2002.
24. *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485). Тверь, 1994. 432 с.
25. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // Полное собрание русских летописей. Т. XVI/ М.: Языки русской культуры, 2000. I– XII, 240 с.
26. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XII. М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с.
27. Литовская Метрика, Часть 1-я: Книги записей. Т. 1-й // Русская историческая библиотека. Т. XXVII. СПб.: Сенатская типография, 1910. 672 с.
28. *Любавский М.К.* Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М.: Университетская типография, 1900. 1159 с.
29. *Любавский М.К.* Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб: Наука, 2004. 311 с.
30. *Матвей Меховской.* Трактат о двух Сарматиях // Матвей Меховской. Трактат о двух Сарматиях. Сокровенное сказание монголов. Рязань: «Александрия». 2009. С. 45–128.
31. Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Языки славянской культуры, 2004. 488 с.
32. *Назаров В.Д.* Ярлык Хаджи-Гирея Казимиру IV и русско-литовские отношения // Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 19–22 апреля 1988. Тезисы докладов. М.: Институт истории АН СССР., 1988. С. 57–59.
33. *Некрасов А.М.* Возникновение и эволюция Крымского государства в XV–XVI веках // Отечественная история. 1999. № 2. С. 48–58.
34. *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М.: Наука, 1990. 128 с.
35. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
36. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV – XVI вв. М.: Наука, 1984. 301 с.
37. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Часть 1-я. Сношения с государствами европейскими. Памятники дипломатических сношений с империею Римскою. Т. I (с 1488 по 1594 год). СПб.: Тип.-я II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1851. 1620 с.

38. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Т. I. (с 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России) // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К^о, 1884. 633 с.

39. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, нагаями и Турцией. Т. II. 1508–1521 // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 95. СПб.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1895. 794 с.

40. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I. (с 1487 по 1533 год) // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35. СПб.: Тип.-я Ф. Елеонского и К^о, 1882. 940 с.

41. Памятники русского права. Памятники права феодально-раздробленной Руси (XII–XV вв.). М.: Государственное издательство юридической литературы, 1953. 442 с.

42. *Полехов С.В.* Наследники Витовта. Династическая воля в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М.: Индрик, 2015. 712 с.

43. *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2012. 464 с.

44. Псковская 3-я летопись. Строевский список // ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 78–250.

45. *Саргсян Т.Э.* Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам. (XIV–XV вв.). Симферополь, СОНАТ, 2010. 312 с.

46. *Сафаргалев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 275 с.

47. Симеоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. М.: Знак, 2007. 328 с.

48. Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. I–VIII, 240 с.

49. *Султанов Т.И.* Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник 1975. М.: Наука, 1978. С. 234–251.

50. *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки Московского ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова. Вып. 61. История. Т. 8. М.: МГУ, 1940. С. 3–71.

51. *Темушев В.Н.* Первая Московско-литовская пограничная война: 1486–1494. М.: Квадрига, 2013. 240 с.

52. Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.

53. *Трепавлов В.В.* Степные империи Евразии: монголы и татары. М.: Квадрига, 2015. 368 с.

54. *Филлюшкин А.И.* Титулы русских государей. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2006. 256 с.

55. *Флоря Б.Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. X. Славяне и кочевой мир. М.: Наука, 2001. С. 172–196.

56. *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиториал-УРСС, 2001. 336 с.

57. *Хромов К.К.* Монетный двор второй четверти XV века "Орда Базар" в нижнеднепровском регионе // Восточная нумизматика в Украине. Сборник публикаций. Часть 1. Монеты Джучидов XIII–XV веков. Киев, 2004. С. 34–66.

58. Хроника литовская и жмойтская // ПСРЛ. Т. 32. М.: Наука, 1975. С. 15–127.

59. *Юзефович Л.А.* «Как в посольских обычаях ведется...» Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М.: Международные отношения, 1988. 216 с.

60. Гулевич В.П. Кримське ханство й Північне Причорномор'я в період правління Гаджи Гірея (1442–1466 рр.) // Український історичний журнал. 2014. № 6. С. 4–28.

61. Collins L. On the Alleged “Destruction” of the Great Horde in 1502 // *Manzikert to Lepanto: the Byzantine World and the Turks. 1071–1571*. Amsterdam: Adolf M. Hakkert Publisher, 1991. P. 361–400.

62. *Jana Długosza Roczniki czyli kroniki sławnego królestwa Polskiego*. Kn. XII. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 2006. 511 s.

63. Inalcik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. III/IV 1979–1980. Part 1. P. 445–466.

64. Karpov S.P. Ancient Rus' and the Black Sea region in the 13th–15th centuries: Results of new archival studies // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 83. № 3. M., 2013. P. 223–226.

65. *Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonow*. T. I. 1377–1499. Warszawa: Druk. zakładu narodowego imienia Ossolinskich, 1930. 475 s.

66. *Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents*. Leiden-Boston: Brill, 2011. 1130 s.

67. *Lietuvos Metrica*. Kn. 4 (1479–1491). Vilnius: Žara, 2004. 286 p.

68. *Lietuvos Metrika*. Kn. № 5 (1427–1506). Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993. 402 p.

69. *Lietuvos Metrika*. Kn. № 7(1506–1539). Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2011. 1012 p.

70. Vasary I. A contract of the crimean khan Mangli Giray and the inhabitants of Qirq-Yer from 1478/79 // *Central Asiatic Journal*, 1982, Vol. 26, No. 3/4 (1982), pp. 289–300.

Сведения об авторах: Виталий Викторович Пенской – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация). E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Татьяна Михайловна Пенская – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация). E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Поступила 15.09.2022 Принята к публикации 25.11.2022

Опубликована 29.12.2022

REFERENCES

1. Akty` istoricheskie, sobranny`e i izdanny`e Arxeograficheskoyu Kommissieyu [Acts of history, collected and published by the Archaeographic Commission]. Vol. I. 1334–1598. St. Petersburg: Tip. Ekspeditsii zagotovleniya Gosudarstvennykh bumag, 1841. 606 p.(In Russian)

2. Akty`, otnosyashhiesya k istorii Zapadnoj Rusi, sobranny`e i izdanny`e Arxeograficheskoyu kommissieyu [Acts relating to the history of Western Russia, collected and published by the Archaeographic Commission]. Vol. I (1340–1506). St. Petersburg:: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kancelyarii, 1846. 418 p.(In Russian)

3. Alekseev Yu.G. «K Moskve khotim»: zakat boyarskoj respubliki v Novgorode [“We want to go to Moscow”: the decline of the boyar republic in Novgorod]. Alekseev Yu.G. *Pskov i Novgorod nakanune prisoeineniya k Rossijskomu gosudarstvu (XIV–*

XV vv.) [Pskov and Novgorod on the eve of joining the Russian state (XIV–XV centuries)]. Moscow: Oleg Abyshko Publ., 2020, pp. 446–554. (In Russian)

4. Alekseev Yu.G. Osvobozhdenie Rusi ot ordy'nskogo iga [Liberation of Russia from the Horde yoke]. L.: Nauka [The Science Printing House], 1989. 219 p.(In Russian)

5. Alekseev Yu.G. Pod znamenami Moskvyy' [Under the banners of Moscow] in Alekseev Yu.G. *Istoriya Rossii v e'pokhu velikogo knyazya Ivana III* [History of Russia in the era of Grand Duke Ivan III]. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 2018, pp. 23–278. (In Russian)

6. Bazilevich K.V. Vneshnyaya politika Russkogo centralizovannogo gosudarstva (vtoraya polovina XV veka) [Foreign policy of the Russian centralized state (second half of the 15th century)]. Moscow: Territoriya Publ., 2001. 544 p.(In Russian)

7. Ioasafat Barbaro. Puteshestvie v Tanu [Journey to Tana]. *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkix svyazey v XV v.* Leningrad: Nauka Publ., 1971, pp. 136–160. (In Russian)

8. Belyakov A.V. Chingisidy' v Rossii XV–XVII vekov: prosopograficheskoe issledovanie [Chingisids in Russia in the 15th–17th centuries: prosopographic research]. Ryazan: «Ryazan. Mir» Publ., 2011. 512 p. (In Russian)

9. Vologodsko-Permskaya letopis' [Vologda-Perm chronicle]. *Polnoe sobranie russkix letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. XXVI. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2006. 432 p.(In Russian)

10. Gorskij A.A. Moskva i Orda [Moscow and the Horde]. Moscow: Nauka Publ., 2005. 214 p.(In Russian)

11. Gramoty' Velikogo Novgoroda i Pskova [Charters of Veliky Novgorod and Pskov]. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1949. 407 p. (In Russian)

12. Gulevich V.P. Neskol'ko nablyudenij otnositel'no problemy' "pozhalovaniya" russkix zemel' Kazimiru IV v yarly'kax kry'mskix xanov Khadzhi Gireya 1461 g. i Mengli Gireya 1472 g. [Several observations on the problem of "granting" Russian lands to Casimir IV in the labels of the Crimean khans Haji Giray in 1461 and Mengli Giray in 1472]. *Colloquia Russica. Series I. Vol. 7. Rus' and the World of the Nomads (the second half of the 9th – 16th C.)*. Publication from the 7th International Scientific Conference, Plzeň, 23th–26th November, 2016. Krakow, 2017, pp. 369–378. (In Russian)

13. Gulevich V.P. Ot ordy'nskogo ulusa k xanstvu Gireev: Kry'm v 1399–1502 gg. [From the Horde ulus to the Gireev khanate: Crimea in 1399–1502]. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2018. 492 p.(In Russian)

14. Grusha A.I. Krizis doveriya? Poyavlenie i utverzhenie pravovogo dokumenta v Velikom knyazhestve Litovskom (konecz XIV – pervaya tret' XVI v.) [Confidence crisis? The emergence and approval of a legal document in the Grand Duchy of Lithuania (late 14th – first third of the 16th century)]. Moscow-St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh iniciativ Publ., 2019. 608 p.(In Russian)

15. Gustynskaya Chronicle in *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 40. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., 2003. 272 p. (In Russian)

16. Džhanov A.V. Kaffa, Kry'mskoe xanstvo i osmany' v 1454–1456 gg. (po dan-ny'm knig massarii Kaffy') [Kaffa, Crimean Khanate and Ottomans in 1454–1456 (according to the books of massaria of Kaffa)]. *Sugdejs'kij zbirnik* [Sugdean collection]. Iss. 2 (VIII). Kiïv. 2019, pp. 79–373. (In Russian)

17. Duxovny'e i dogovorny'e gramoty' velikix i udel'ny'x knyazey XIV–XVI vv. [Testament's and contractual charters of the great and appanage princes of the XIV–XVI centuries]. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950. 586 p.(In Russian)

18. Zajcev I.V. Astrakhanskoe xanstvo [Astrakhan Khanate]. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 2006. 303 p.(In Russian)

19. Zaytcev I.V. Kry`mskaya istoriograficheskaya tradiciya XV–XIX vekov: puti razvitiya: rukopisi, teksty` istochniki [Crimean historiographic tradition of the 15th – 19th centuries: ways of development: manuscripts, text sources]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2009. 304 p. (In Russian)

20. Zaytcev I.V. Mezhdru Moskvoy i Stambulom. Dzhuchidskie gosudarstva, Moskva i Osmanskaya imperiya (nachalo XV – pervaya polovina XVI vv.) [Between Moscow and Istanbul. Juchid states, Moscow and the Ottoman Empire (early 15th – first half of the 16th centuries)]. Moscow: Rudomino Publ., 2004. 216 p.(In Russian)

21. Zimin A.A. Formirovanie boyarskoj aristokratii v Rossii vo vtoroj poloviny`e XV – pervoj tretej XVI v.[The formation of the boyar aristocracy in Russia in the second half of the 15th – first third of the 16th centuries] Moscow: Nauka Publ., 1988. 350 p. (In Russian)

22. Istoriya tatar s drevnejshix vremen v semi tomax. Vol. IV. Tatarskie gosudarstva XV – XVIII vekov [History of the Tatars since ancient times in seven volumes. Vol. IV. Tatar states of the 15th – 18th centuries]. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2014. 1080 p.(In Russian)

23. Klauzevich K. fon. O vojne [About War]. Vol. 1. Moscow: AST Publ.; St. Petersburg: Terra Fantastika Publ., 2002. (In Russian)

24. Klyug E`. Knyazhestvo Tverskoe (1247–1485) [Principality of Tver (1247–1485)]. Tver, 1994. 432 p.(In Russian)

25. Letopisny`j sbornik, imenuemy`j letopis`yu Avraamki [Chronicle collection called the chronicle of Abraham]. *Polnoe sobranie russkix letopisej* [Complete collection of Russian chronicles] T. XVI. Moscow: Yazy`ki russkoj kul`tury` [Languages of Russian culture Printing House], 2000. I–XII, 240 p. (In Russian)

26. Letopisny`j sbornik, imenuemy`j Patriarshej ili Nikonovskoj letopis`yu [Chronicle collection called the Patriarch or Nikon Chronicle]. *Polnoe sobranie russkix letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. XII. Moscow: Yazyki russkoj kul`tury Publ., 2000. 272 p.(In Russian)

27. Litovskaya Metrika [Lithuanian Metrica]. Vol. I in *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. XX. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya, 1903. VII – 50 – 1566 – 258 p.(In Russian)

28. Lyubavskij M.K. Litovsko-russkij sejm. Opy`t po istorii uchrezhdeniya v svyazi s vnutrennim stroem i vneshneyu zhizn`yu gosudarstva [Lithuanian-Russian Diet. Experience in the history of the institution in connection with the internal structure and external life of the state]. Moscow: Universitetskaya tipografiya [University Printing House], 1900. 1159 p.(In Russian)

29. Lyubavskij M.K. Ocherki istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva do Lyublinskoy unii vklyuchitel`no [Essays on the history of the Lithuanian-Russian state up to and including the Union of Lublin]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2004. 311 p.(In Russian)

30. Mexovskoj M. Traktat o dvux Sarmatiyax [Treatise on two Sarmatias]. *Matvej Mexovskoj. Traktat o dvukh Sarmatiyakh. Sokrovennoe skazanie mongolov* [Matvey Mekhovskoy. Treatise on two Sarmatias. The secret legend of the Mongols]. Ryazan: Aleksandriya Publ., 2009, pp. 45–128. (In Russian)

31. Moskovskij letopisny`j svod koncza XV veka [Moscow annalistic collection of the late 15th century]. *Polnoe sobranie russkix letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. XXV. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul`tury Publ., 2004. 488 p.(In Russian)

32. Nazarov V.D. Yarly`k Xadzi-Gireya Kazimiru IV i russko-litovskie otnosheniya [Hadji-Giray's label to Casimir IV and Russian-Lithuanian relations]. *Vneshnyaya politika Drevnej Rusi. Yubilejny`e chteniya, posvyashhenny`e 70-letiyu so dnya rozhdeniya chlenakorrespondenta AN SSSR Vladimira Terent`evicha Pashuto*. Moskva, 19–22 aprelya 1988. Tezisy` dokladov [Foreign policy of Ancient Rus. Anniversary readings dedicated to the

70th birthday of Vladimir Terentyevich Pashuto, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences. Moscow, April 19–22, 1988. Abstracts]. Moscow: Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR, 1988, pp. 57–59. (In Russian)

33. Nekrasov A.M. Vozniknovenie i e`volyuciya Kry`mskogo gosudarstva v XV – XVI vekax [The emergence and evolution of the Crimean state in the XV–XVI centuries]. *Otechestvennaya istoriya* [Fatherland history]. 1999, no. 2, pp. 48–58. (In Russian)

34. Nekrasov A.M. Vozniknovenie i e`volyuciya Kry`mskogo gosudarstva v XV – XVI vekax [The emergence and evolution of the Crimean state in the XV – XVI centuries]. *Otechestvennaya istoriya* [National history]. 1999, no. 2, pp. 48–58. (In Russian)

35. Novgorodskaya letopis` po spisku P.P. Dubrovskogo [The Novgorod Chronicle according to the list of P.P. Dubrovsky]. *Polnoe sobranie russkix letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul`tury Publ., 2004. 368 p.(In Russian)

36. Osmanskaya imperiya i strany` Central`noj, Vostochnoj i Yugo-Vostochnoj Evropy` v XV–XVI vv. [The Ottoman Empire and the countries of Central, Eastern and South-Eastern Europe in the 15th–16th centuries] Moscow: Nauka Publ., 1984. 301 p.(In Russian)

37. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij drevnej Rossii s derzhavami inostranny`mi. Chast` 1-ya. Snosheniya s gosudarstvami evropejskimi. Pamyatniki diplomaticheskix snoshenij s imperieyu Rimskoyu. Vol. I (s 1488 po 1594 god) [Monuments of diplomatic relations of ancient Russia with foreign powers. Part 1. Relations with European states. Monuments of diplomatic relations with the Roman Empire. Vol. I (from 1488 to 1594)]. St. Petersburg: Tip.-ya II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kancelyarii, 1851. 1620 p.(In Russian)

38. Pamyatniki diplomaticheskix snoshenij Moskovskogo gosudarstva s Kry`mskoyu i Nagajskoyu ordami i s Turciej. Vol. I. (c 1474 po 1505 god, e`pokha sverzheniya mongol`skogo iga v Rossii) [Monuments of diplomatic relations of the Moscow state with the Crimean and Nagaysky hordes and with Turkey. Vol. I. (from 1474 to 1505, the era of the overthrow of the Mongol yoke in Russia)]. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 41. St. Petersburg: Eleonski & K^o Printing House, 1884. 633 p.(In Russian)

39. Pamyatniki diplomaticheskix snoshenij Moskovskogo gosudarstva s Kry`mom, Nagayami i Turcieyu [Monuments of the diplomatic relations of the Moscow state with the Crimea, Nagai and Turkey]. Vol. II. 1508–1521 gg. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshhestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 95. St. Petersburg: Pечатnya S.P. Yakovleva Publ., 1895. 788 p.(In Russian)

40. Pamyatniki diplomaticheskix snoshenij Moskovskogo gosudarstva s Pol`sko-Litovskim. Vol. I. (c 1487 po 1533 god) [Monuments of diplomatic relations between the Moscow state and the Polish-Lithuanian state. Vol. I. (from 1487 to 1533)]. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 35. St. Petersburg: Eleonski & K^o Publ., 1882. (In Russian)

41. Pamyatniki russkogo prava. Pamyatniki prava feodal`no-razdrobленноj Rusi (XII – XV v.v.) [Monuments of Russian law. Monuments of the law of feudal-fragmented Russia (XII–XV centuries)]. Moscow: Gos. izdatel`stvo yuridicheskoy literatury Publ., 1953. 442 p.(In Russian)

42. Polekhov S.V. Nasledniki Vitovta. Dinasticheskaya vona v Velikom knyazhestve Litovskom v 30-e gody` XV veka [Vitovt's heirs. Dynastic won in the Grand Duchy of Lithuania in the 30s of the 15th century]. Moscow: Indrik Publ., 2015. 712 p.(In Russian)

43. Pochekaev R.Yu. Czari ordy`nskie. Biografii xanov i pravitelej Zolotoj Ordj` [The kings of the Horde. Biographies of the khans and rulers of the Golden Horde]. St. Petersburg: Evraziya Publ., 2012. 464 p.(In Russian)

44. Pskovskaya 3-ya letopis'. Stroeviskij spisok [Pskov 3rd Chronicle. Stroyevsky list] in *Polnoe sobranie russkix letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. V. Vyp. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000, pp. 78–250. (In Russian)

45. Sargsyan T.E'. Svod armyanskix pamyatny'x zapisej, otnosyashhixsya k Kry'mu i sopredel'ny'm regionam. (XIV–XV vv.) [A set of Armenian memorial records relating to the Crimea and adjacent regions. (XIV–XV centuries)]. Simferopol: SONAT Publ., 2010. 312 p.(In Russian)

46. Safargaliev M.G. Raspad Zolotoj Ordy' [The collapse of the Golden Horde]. Saransk: Mordovian Book Publ., 1960. 275 p.(In Russian)

47. Simeonovskaya letopis' [The Simeon Chronicle] in *Polnoe sobranie russkix letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. XVIII. Moscow: Znak Publ., 2007. 328 p.(In Russian)

48. Sofijskaya vtoraya letopis' [Sophia's second chronicle] in *Polnoe sobranie russkix letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. VI. Vyp. 2. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2001. I–VIII, 240 p.(In Russian)

49. Sultanov T.I. Pis'ma zolotoordy'nskikh khanov [Letters of the Golden Horde khans]. *Tyurkologicheskij sbornik 1975* [Turkological collection 1975]. Moscow: Nauka Publ., 1978, pp. 234–251. (In Russian)

50. Sy'roechkovskij V.E. Mukhammed-Geraj i ego vassaly' [Mukhammad-Giray and his vassals]. *Ucheny'e zapiski Moskovii ordena Lenina Gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova* [Scientific notes of Muscovy of the Order of Lenin of the State University named M.V. Lomonosov]. Vyp. 61. Istoriya. Vol. 2. Moscow, 1940, pp. 3–71. (In Russian)

51. Temushev V.N. Pervaya Moskovsko-litovskaya pogranichnaya vojna: 1486–1494 [First Moscow-Lithuanian border war: 1486–1494]. Moscow: Kvadriga Publ., 2013. 240 p.(In Russian)

52. Tipografskaya letopis' [Typographical chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. XXIV. Moscow: [Languages of Russian Cultures Printing House], 2000. 288 p.(In Russian)

53. Trepavlov V.V. Stepny'e imperii Evrazii. Mongoly' i tatory' [Steppe empires of Eurasia. Mongols and Tatars]. Moscow: Kvadriga Publ., 2015. 368 p.(In Russian)

54. Filyushkin A.I. Tituly' russkix gosudarej [Titles of Russian sovereigns]. Moscow-St. Petersburg: Alliance-Archeo Publ., 2006. 256 p.(In Russian)

55. Florya B.N. Orda i gosudarstva Vostochnoj Evropy' v seredine XV veka (1430–1460) [Horde and states of Eastern Europe in the middle of the 15th century (1430–1460)]. *Slavyane i ikh sosedi. Vyp. X. Slavyane i kochevoj mir* [Slavs and their neighbors. Issue X. Slavs and the nomadic world]. Moscow: Nauka Publ., 2001, pp. 172–196. (In Russian)

56. Xoroshkevich A.L. Rus' i Kry'm: ot soyuza k protivostoyaniyu. Konecz XV – nachalo XVI vv. [Russia and Crimea: from union to confrontation. Late 15th – early 16th centuries]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2001. 336 p.(In Russian)

57. Xromov K.K. Monetny'j dvor vtoroj chetverti XV veka "Orda Bazar" v nizhnedneprovskom regione [Mint of the second quarter of the 15th century "Orda Bazar" in the Lower Dnieper region]. *Vostochnaya numizmatika v Ukraine. Sbornik publikacij. Chast' 1. Monety' Dzhuchidov XIII–XV vekov* [Eastern numismatics in Ukraine. Collection of publications. Part 1. Coins of the Jochids of the XIII–XV centuries]. Kiev, 2004, pp. 34–66. (In Russian)

58. Xronika litovskaya i zhmojtskaya [Chronicle of Lithuanian and Zhmudian]. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 32. Moscow: Nauka Publ., 1975, pp. 15–127. (In Russian)

59. Yuzefovich L.A. «Kak v posol'skix oby'chayax vedetsya...» Russkij posol'skij oby'chaj koncza XV – nachala XVII v. [“As in the customs of the ambassadors ...” Russian

embassy custom of the late 15th – early 17th centuries] Moscow: Mezhdunarodny'e otnosheniya Publ., 1988. 216 p. (In Russian)

60. Gulevich V.P. Krim's'ke khanstvo j Pivnichne Prichornomor'ya v period pravlinnya Gadzhi Ġireya (1442–1466 rr.) [The Crimean khanate and Northern Black Sea Coast in Hadzhi-Gire's ruling (1442–1466)]. *Ukraïns'kij istorichnij zhurnal* [Ukrainian Historical Journal]. 2014, no. 6, pp. 4–28. (In Ukrainian)

61. Collins L. On the Alleged “Destruction” of the Great Horde in 1502. *Manzikert to Lepanto: the Byzantine World and the Turks. 1071–1571*. Amsterdam: Adolf M. Hakkert Publisher, 1991. P. 361–400.

62. Jana Długosza Roczniki czyli kroniki sławnego królestwa Polskiego. Kn. XII. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 2006. 511 s.

63. Inalcik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I. *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. III/IV 1979–1980. Part 1. P. 445–466.

64. Karpov S.P. Ancient Rus' and the Black Sea region in the 13th–15th centuries: Results of new archival studies. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 83, no. 3. M., 2013. P. 223–226.

65. Kołankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonow. Vol. I. 1377–1499. Warszawa: Druk. zakładu narodowego imienia Ossolinskich, 1930. 475 s.

66. Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden-Boston: Brill, 2011. 1130 s.

67. Lietuvos Metrica. Kn, no. 4 (1479–1491). Vilnius: Žara, 2004. 286 p.

68. Lietuvos Metrika Kn, no. 5. (1427–1506). Vilnius: Mokclo ir enciklopedijų leidykla, 1993. 402 p.

69. Lietuvos Metrika Kn, no. 7. (1506–1539). Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2011. 1012 p.

70. Vasary I. A contract of the crimean khan Mangli Giray and the inhabitants of Qirq-Yer from 1478/79. *Central Asiatic Journal*, 1982, Vol. 26, No. 3/4 (1982), pp. 289–300.

About the authors: Vitaly V. Penskoj – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University (85, Pobeda Str., Belgorod 308015, Russian Federation). E-mail: penskoj@bsu.edu.ru

Tatyana M. Penskaya – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University (85, Pobeda Str., Belgorod 308015, Russian Federation). E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Received September 15, 2022 Accepted for publication November 25, 2022

Published December 29, 2022